

DOI 10.18522/2500-3224-2023-3-54-71

УДК 94 (47).04 / 930.85

IMPERIUM И SACERDOTIUM В РОССИИ XVI в.: РАЗМЫШЛЕНИЯ ПСКОВСКОГО СТАРЦА ФИЛОФЕЯ И АФОНСКОГО МОНАХА МАКСИМА ГРЕКА

Гардзанити Марчелло

Флорентийский университет,
Флоренция, Италия
marcello.garzaniti@unifi.it

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу представлений о царстве и священстве (*imperium et sacerdotium*), запечатленных в двух выдающихся произведениях русской книжности XVI столетия — «Послании на звездочетцев и латин» Филофея Псковского, адресованном дьяку М.Г. Мисюрю Мунехину, и «Слове о нестроениях» Максима Грека. В первом из них излагается идея «Москва — Третий Рим» и роль русского царя как «брододержателя святых Божиих престолъ». При этом вселенская миссия Рима, по мнению Филофея Псковского, основана не на «неразрушимости» царской власти, а на православном учении, которое выражается в верности церковным канонам. «Слово о нестроениях» Максима Грека развивает данную проблематику в ином ключе. Черпая вдохновение в песнях Савонаролы, Максим Грек излагает свое представление о назначении власти и роли церковного авторитета. Его размышления, однако, развиваются не на историческом и богословском уровне, а скорее в моральной и социальной перспективе. В таком контексте функция священника носит не столько сакральный, сколько пророческий характер и подразумевает жесткую критику правителей. Форма диалога, строгая аргументация, но прежде всего неявные ссылки на темы и концепции, присутствующие в современной западной мысли, свидетельствуют о развитии оригинальной рефлексии, ориентированной на обновление восточно-христианской мысли. Несмотря на разные подходы, обоих писателей объединяет не только изобилие библейских цитат, но прежде всего образ вдовы в пустыне, вызывающий в памяти апокалиптический и эсхатологический горизонт.

Ключевые слова: Филофей Псковский, Максим Грек, *imperium*, *sacerdotium*, Москва — Третий Рим, Апокалипсис, эсхатология.

IMPERIUM AND SACERDOTIUM IN SIXTEENTH CENTURY RUSSIA: THE REFLECTIONS OF THE STARETS FILOFEI OF PSKOV AND ATHONITE MONK MAXIMUS THE GREEK

Garzaniti Marcello

University of Florence,

Florence, Italy

marcello.garzaniti@unifi.it

Abstract. The article deals with the comparative analysis of notions on empire and priesthood (*imperium et sacerdotium*), depicted in two outstanding texts of the Russian bookishness of the 16th century – the *Epistle on Skywatchers and Latins* by Filofei of Pskov, addressed to d'jak M.G. Misyur-Munekhin and the *Discourse on Instabilities* of Maximus the Greek. The first text explains the idea of *Moscow – the Third Rome* and the role of the Russian tsar as “holder of the reins of the divine holy seats”. At the same time Rome’s universal mission, by Filofei of Pskov, is not based on the “unshakeability” of imperial power, but rather on doctrinal orthodoxy, guaranteed by fidelity to ecclesiastical canons. *Discourse on Instabilities* by Maximus the Greek develops this problem in another key. Taking his cue from the songs of Savonarola, Maximus the Greek represents his view on purpose of power and the role of the ecclesiastical magisterium. His reflection, however, does not develop at historical and sacramental theological level, as Filofei of Pskov does, but rather in the moral and social sphere. From this perspective, the function of the priest does not appear to be primarily in sacred, but rather prophetic domain, which prompts Maximus the Greek to expound a severe criticism of the rulers. The form of the dialogue, cogent argumentation, and implicit references to themes and concepts present in modern Western thought, illustrate the development of an original reflection urging the renewal of Eastern Christian thought. Despite their different approaches, both writers come together not only in the profusion of biblical quotations, but above all in the image of the widow in the desert, recalling the apocalyptic and eschatological dimension.

Keywords: Filofei of Pskov, Maximus the Greek, *imperium*, *sacerdotium*, *Moscow the Third Rome*, Apocalypses, eschatology.

Цитирование: Гардзанити М. *Imperium и sacerdotium в России XVI в.: размышления псковского старца Филофея и афонского монаха Максима Грека* // Новое прошлое / The New Past. 2023. № 3. С. 54–71. DOI 10.18522/2500-3224-2023-3-54-71 / Garzaniti M. *Imperium and Sacerdotium in Sixteenth Century Russia: the Reflections of the Starets Filofei of Pskov and Athonite Monk Maximus the Greek*, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2023. No. 3. Pp. 54–71. DOI 10.18522/2500-3224-2023-3-54-71.

© Гардзанити М., 2023

ПРЕДИСЛОВИЕ

Отношения между *imperium* и *sacerdotium* представляли собой основной вопрос в России в XV–XVI вв., в то время, когда была утверждена автокефалия Русской Церкви, а великое княжество Московское стало царством. Среди наиболее значительных размышлений об отношениях между царской властью и священством можно назвать два сочинения, оставивших свой след, хотя и по-разному, в культурной истории России: «Послание старца Псковского Елеазарова монастыря Филофея дьяку Михаилу Григорьевичу Мисюрю Мунехину» (далее – *Послание*), считающееся манифестом доктрины «Москва – Третий Рим», и «Слово, пространнѣе излагающе съ жалостью нестроения и безчиния царей и властелехъ послѣдняго вѣка сего» (далее – *Слово*), одно из самых оригинальных сочинений Максима Грека. На основании наших прошлых исследований, посвященных этим произведениям, в данной работе предлагается сравнение этих двух сочинений, чтобы показать, как русский старец и греческий монах представляли себе отношения между *imperium* и *sacerdotium* в России в первой половине XVI в.¹

ПОСЛАНИЕ ПСКОВСКОГО СТАРЦА ФИЛОФЕЯ

Послание, написанное Филофеем Псковским около 1523 г., адресовано Мисюрю Мунехину, представителю великого князя в Пскове [Синицына, 1998, с. 336–357]. Последний обратился к монаху по поводу астрологических предсказаний о конце света, распространенных Николаем Булевым (середина XV в. – 1548 г.), врачом Ивана III, который ранее работал в Риме при дворе папы Юлия II [Буланин, 1988]. Нам неизвестны аргументы астролога и переводчика, родом из Любека, но из того же *Послания*, как и из других полемических трудов, мы можем сделать вывод, что в период, отмеченный падением Константинополя и все более угрожающим расширением Османской империи, Булев предложил апокалиптическое прочтение истории, в котором затмение предвещало «всяя вселѣнныя <...> несумнѣнное премеменение и изменение и преиначение». Апокалиптический горизонт подчеркивается библейской цитатой в начале *Послания*: «Въздвигните убо главы ваша, о мужи христоименитии» (Лк. 21 : 28) [Синицына, 1998, с. 336].

Чтобы понять размышления Филофея Псковского, необходимо вспомнить, что после Ферраро-Флорентийского собора (1439 г.) и особенно после падения Константинополя (1453 г.), которое в Москве считали неизбежным следствием унии с Римом, проблема порядка вселенной была поднята в России с особой серьезностью, поскольку Русь веками жила в пределах константинопольского горизонта. В своем коротком трактате, написанном в форме послания, Филофей Псковский, выходя далеко за рамки споров об астрологии, стремится проиллюстрировать потрясения этого порядка, предлагая сложное размышление, которое может быть

¹ В настоящем исследовании предлагается в переработанном виде статья, опубликованная на итальянском языке в журнале «Mare Nostrum» [Garzaniti, 2021]. Уже на XXXIX Международном семинаре исторических исследований «От Рима к Третьему Риму» [Campidoglio, 2019] мы начали сопоставление этих произведений в связи с темой России и римского универсализма.

реконструировано на основе цитат из Священного Писания и, в более общем смысле, из «священных книг» [Гардзанити, 2003; Гардзанити, 2014]. Филофей Псковский с самого начала увещевает, следуя вероучительной традиции, «пребывати в вышереченных в книгах, заповѣдех и евагельских и апостольских и отечьских учении и святых вселеньских Соборовъ и поместныхъ особъ сущих» [Синицына, 1998, с. 337]. Поэтому необходимо сосредоточиться на основных цитатах, чтобы понять смысл произведения и правильно определить его структуру¹.

Мы не можем подробно останавливаться на детальном анализе различных частей короткого трактата, начиная с обращения и вступления, которые мы уже изучали в прошлом и представляем вкратце сейчас. Первая часть рассказывает о порядке космоса и критикует астрологию на основе различных цитат из Ветхого Завета, в основном из книги Бытие. Вторая часть иллюстрирует толкование истории с ключевой ссылкой на пророка Исайю: «Аще послушаете Мене, благаа земнаа снѣстѣ, аще ли не послушаете, оружие вы поясть, уста бо Господня глаголаша сия» (Ис. 1:19–20). Третья часть посвящена учению о Евхаристии и священстве с кратким описанием еврейской Пасхи. Наконец, четвертая часть предлагает апокалиптическое толкование настоящего времени.

Мы не будем задерживаться на критике астрологии, которой занимался и Максим Грек в полемике с самим Булевым, а остановимся на вопросах, рассматриваемых в следующих частях. Во второй части Филофей Псковский пересматривает идею Римской империи, укоренившуюся в восточном средиземноморском мире со времен Константина, в универсалистском ключе, который приобретает специфические черты на христианском Востоке. Русский старец, как и в первой части, обращается, в частности, к «Христианской Топографии» Козьмы Индикоплова, который признавал центральное место имперской миссии в истории вселенной². Филофей Псковский, по сути, верит в «неразрушимость» Римской империи, признавая ее основание в переписи Августа, в которой, как свидетельствует Евангелие, «Господь в Римскую власть написася» (ср. Лк. 2:2). Смысл этой «неразрушимости», то есть этой провиденциальной миссии, которая должна была длиться до конца истории, становится основной темой дальнейших рассуждений старца.

Пытаясь интерпретировать роль России в новых исторических обстоятельствах, Филофей Псковский вводит в третьей части, посвященной Причащению и

¹ Библиейские цитаты, большинство которых было выявлено уже В.Н. Малининым [Малинин, 1901, с. 255–368], указаны в издании «Послания», опубликованном Н.В. Синицыной. В своей книге Синицына, к сожалению, посвящает всего одну страницу структуре Послания, которую она, по сути, делит на две части [Синицына, 1998, с. 223].

² О славянской версии и ее свидетелях см. [Romoli, 2012]. Богатый символизм, связывающий структуру земли с формой библейского храмового здания, способствовал восточнославянской судьбе произведения, в котором пространство Северной Руси можно было уверенно идентифицировать с мифическими гиперборейскими землями [Garzaniiti, 2022a].

священству, так называемое «Епистола на Римляны»¹, антилатинский памфлет, известный также под другими названиями, в котором критикуется Римская церковь с акцентом на празднование литургии и, в частности, на использование опресноков, которые с XII–XIII вв. заняли центральное место, в связи с *Filioque*, и в итоге приобрели богословское значение. Этот вопрос становится основополагающим при ответе на аргумент западного христианства о «неразрушимости» Римской империи, который, возможно, берет свое начало в апологетической аргументации самого Булева: «латыни глаголють: наше царство Ромеиское недвижмо пребывает, аще быхом неправо вѣрвали, не бы Господь снабдѣл нас» [Синицына, 1998, с. 342].

По мнению русского старца, вселенская миссия Рима основана не на «неразрушимости» царской власти, на Западе символически представленной второй короной папской тиары, а на православном учении, которое выражается в верности церковным канонам древней традиции. Только Православная Церковь, по его мнению, с преемственностью рукоположения в священный сан («священства таина») и канонически действительным празднованием Евхаристии, сохраняет древнюю апостольскую традицию, наследуя таким образом ее вселенскую миссию. Обширные цитаты из Евангелий, сопровождаемые более или менее подробными комментариями, призваны не только убедить Мунехина в правильности православной практики, как это было предложено в прошлом [Малинин, 1901, с. 353], но скорее проиллюстрировать святость Русской православной церкви, обосновав ее в Священном Писании, и оправдать теологически новую историческую роль России. Таким образом, речь идет о богословском размышлении с канонической юридической аргументацией.

Освещая нынешнюю ситуацию, русский старец указывает на московского государя как на «во всеи поднебеснѣи единого христианом царя», подчеркивая его роль «брододръжати святых Божиихъ престоль, святыя вселенския апостольския Церкви, иже вмѣсто римьской и константинопольской, иже есть в богоспасеном градѣ Москвѣ святого и славнаго Успения Пречистыя Богородица, иже едина [в] вселеннѣи паче солнца свѣтитя». Выражение «брододръжати» напоминает поведение царя Константина по отношению к папе Сильвестру, показанного в *Константиновом даре* [Синицына, 1998, с. 345]².

В четвертой части *Послания* фокус переносится на царство. По мнению старца, исторические изменения следуют божественному провиденциальному замыслу о Римской империи, который уже был засвидетельствован в Священном Писании: «вся христианская царства приидоша в конецъ и снидошася воедино царство нашего государя, по пророчскимъ книгама, то есть Ромеиское царство. Два убо

¹ Полное название произведения: «Юпистоля на Римляны в ней же сказаніе ѿ ѿаковѣ братѣ гснн и ѿ двоюнадесате аѣлу како первѣе поставленіе бысть въ щенный чинъ». Впервые этот текст был издан А.Н. Поповым на основе рукописного сборника начала XV в. [Попов, 1875, с. 189–238]. Ср.: [Баранкова, 2009].

² О присутствии этого образа в русской культуре, опосредованном *Константиновым даром*, см. [Garzaniti, 2013; Плюханова, 2014].

Рима падоша, а третии стоит, а четвертому не быти» [Синицына, 1998, с. 345]. Как можно заметить, псковский старец ссылается на учение, содержащееся в Священном Писании («книгах пророков»), не приводя прямой цитаты, но обобщая идею в соответствии с существующей интерпретацией. На самом деле Филофей Псковский ссылается на пророчества Даниила (Дан. 7), которые, как хорошо показала Н.В. Синицына, следует толковать в свете Откровения Псевдо-Мефодия Патарского [Синицына, 1998, с. 252–266].

В действительности был необходим основополагающий шаг, который позволил бы отождествить Новый Рим с зарождающейся Московской державой, названной Третьим Римом, предложив новый порядок вселенной и объяснив нынешние потрясения, знаменующие последний этап в истории человечества. В прошлом *translatio imperii* произошла для Второго Рима во времена Константина, и, согласно православной традиции, роль Константинопольского патриархата нашла таким образом подтверждение в падении папского Рима в ересь. После падения Константинополя и исчезновения Восточной Римской империи отсутствовал какой-либо официальный акт, который объявил бы о перенесении его функций в Москву, к тому же Второй Рим не мог быть обвинен в ереси. Чтобы объяснить этот *translatio imperii* в конце времен, Филофей Псковский указывает, что «многожды и апостоль Павел поминает Рима в посланиях», и приводит толкование неизвестного комментатора, который говорит: «Римъ — весь миръ» [Синицына, 1998, с. 345].

Этот девиз, который должен быть связан с отрывком из Послания к Римлянам (Рим. 1:7), адекватно объясняется в Толковании к Апокалипсису Андрея Кесарийского. Говоря о «Вавилоне», византийский писатель утверждает, что «Такожде якоже селище блудодѣиць бысть той Стары Римъ Вавилонъ в Петровѣ епистоли. И всакъ кождоградъ. Иже о убійствѣ кровіи веселится... или перскій Вавилонъ в нем же многи быша муки или Старый Римъ или Новыи. Или весь миръ»¹.

Имплицитная ссылка на пророческую и эсхатологическую литературу, кроющаяся в утверждении «Римъ — весь миръ», получает свое дальнейшее развитие в рассуждении посредством новых и значительных цитат из Священного Писания, где центральное место занимают «христианская церковь» и ее связь с Московским царством. Филофей Псковский избирает в качестве зачина пассаж из псалмов, приписываемых самому Давиду: «Се покои мои въ вѣкъ вѣкъ, здѣ вселюся, яко изволих и» (Пс. 131:14). Псалом 131, прославляющий перемещение Ковчега в Иерусалим и воцарение рода Давида, приобретает особый смысл в отношении к Московскому государству.

За этой цитатой следует эсхатологическая интерпретация роли Москвы на основе двенадцатой главы Откровения, которая сосредоточена не на действиях змея, а на женщине и воде, что уже в комментариях к Бытию о потопах символизировало

¹ Трудный пассаж Послания с девизом, заслуживающий самого пристального внимания, уже был предметом наших исследований [Гардзанити, 2003, с. 31–32; Гардзанити, 2014, с. 146–149].

«отсутствие веры», то есть духовную смерть. С этой точки зрения Филофей Псковский вновь клеймит конец «христианских царств» и стабильность «токмо единого государя нашего царство»: «вся христианская царства потопишася от невѣрных, токмо единого государя нашего царство едино благодатю Христова стоит» [Синицына, 1998, с. 345].

Установление тесных отношений между Московским царством и «христианской церковью» дает повод для увещевания правителя, открывающего эпилог *Послания*, в котором старец призывает государя не уповать на мимолетные богатства, а надеяться на Бога (1 Тим. 6:17). Необходимо полагаться на провидение, отнеся на счет милосердия к человечеству длительность осуществления таинственного божественного плана, даже если это влечет за собой необходимость принять исторические потрясения. И самое важное – обратиться до Страшного суда. Цитата из пророка Аггея (Агг. 2:6), приведенная в конце Послания к Евреям, относится, в частности, к этим бурным переменам: «еще единою потрясу не токмо землю, но и небо» (Евр. 12:26).

СЛОВО АФОНСКОГО МОНАХА МАКСИМА ГРЕКА

Согласно последним исследованиям, *Слово* Максима Грека [Преподобный Максим Грек, 2014, с. 264–271, с. 390–393]¹ относится к более позднему периоду и отражает ситуацию 1540-х гг., связанную с постепенным восстановлением социального и политического порядка во времена митрополита Макария, и в особенности к периоду, предшествовавшему проведению Стоглавого собора (1551 г.)². В синодальных документах действительно можно найти следы *Слова*, особенно в письме юного царя Ивана, обращенном к участникам Собора и открыто говорящем о «вдовствующем царстве»³. Это произведение отражает широкую эрудицию афонского монаха, который развивал в России оригинальные мысли, гармонично сочетая темы и мотивы из своей разнообразной творческой деятельности, которая свидетельствовала прежде всего о его итальянском образовании⁴.

Слово не имеет структуры богословского трактата, но следует литературной форме диалога, которую Максим Грек часто использовал для выражения своих размышлений. Оно открывается рассказом от первого лица некоего путника («преходникъ»),

¹ Подробный комментарий к *Слову* см. [Garzaniti, 2019a], расширенная русская версия в [Гардзанити, 2021].

² Учитывая композицию сборников его сочинений, Н.В. Синицына полагала, что «Слово о нестроениях и безчиниях» было включено в Иоасафовское собрание на заключительном этапе его формирования, когда оформлялся Краткий вид (в нем 26-я глава отсутствует); но вместе с тем уже начиналась работа по составлению второй части Хлудовского собрания (главы 26–73, где 26-я глава – тоже «Слово о нестроениях»). Вероятно, это происходило в эпоху Стоглавого собора, около 1551 г.» [Преподобный Максим Грек, 2014, с. 30, 390]. См. еще [Журова, 2011, с. 216–217].

³ В этой связи надо отметить важное исследование: [Емченко, 2010].

⁴ Об интерпретации его личности и творчества с точки зрения его итальянского образования см. [Garzaniti, 2015] и особенно [Garzaniti, 2019c].

который, совершая суровый путь («по пути жестоцѣ»), встречает одинокую плачущую женщину, по имени Василия, одетую во вдовьи одежды и окруженную дикими зверями.

Так начинается диалог, в котором главная героиня выражает свой плач по поводу социальных и политических потрясений эпохи, изобилующий многочисленными библейскими цитатами, которые необходимо анализировать, выявляя и изучая источники, рассматривая произведение в связи с его творчеством в целом и в свете сложного исторического контекста того времени. Если принять во внимание речи, в которых выражается плач Василии, и интригующее представление героини в начале диалога, то *Слово* можно разделить на вступление и три части, в которых развиваются три различных аспекта ее размышлений о драматическом состоянии мира и его главных действующих лиц, императоров и князей. Эти размышления предстают в широком горизонте Европы того времени, где существовала множественность субъектов светской власти, среди которых и зарождающееся русское царство.

В первой части описывается человеческое общество, погруженное в пороки и управляемое несправедливыми и жестокими правителями, которые забыли идеалы справедливости и мира, воплощенные Мелхиседеком, царем Шалема, в мессинской перспективе, подчеркнутой обширной цитатой из второго Псалма. Во второй части поднимается этический вопрос на основе одной изысканной библейской экзегезы, в которой утверждается возможность выйти из драматической ситуации посредством радикальных изменений, избегая пагубных примеров, таких как Ирод и народ Израила в пустыне. Наконец, в третьей части, в которой доминирует эсхатологическая перспектива, в свидетели призываются ветхозаветные пророки и отцы Церкви, которые, даже будучи преследуемыми, могли направлять народ в Царство Божие, не боясь противостоять власти.

Уже в прошлом указывалось, что источником вдохновения для Максима Грека послужила песня Джироламо Савонаролы *De ruina ecclesiae* (1475 г.) [Висковатый, 1939], но не было учтено предшествующее сочинение феррарского доминиканца *De ruina mundi* (1472 г.), которое образует вместе с первым текстом своего рода «диптих»¹. Афонский монах хорошо знал их оба, поскольку следил за проповедями доминиканского монаха во Флоренции и был послушником в монастыре Сан-Марко [Garzaniti, 2019b; Romoli, 2021]. Поэтому необходимо внимательно рассмотреть этот двойной источник, чтобы подчеркнуть способность автора переработать их и

¹ О песнях см. национальное издание стихотворений Савонаролы под редакцией М. Мартелли [Savonarola, 1968, р. 3–9]. В своих интерпретациях *Слова* К. Висковатый и А.И. Иванов упоминают только *De ruina ecclesiae* [по изданию: Savonarola, 1926], таким образом упуская из виду общий герменевтический кругозор этого сочинения Максима Грека [Висковатый, 1939; Иванов, 1968, с. 223–224]. По мнению первого исследователя, это произведение говорит только о царстве, тогда как Савонарола интересовался церковью, поэтому в *Слове* «было заимствование не литературного сюжета, а лишь литературного образца, структуры определенного литературного произведения, которую взял у Савонаролы Максим, разработав детали по-своему» [Висковатый 1939, с. 133].

развить тему в специфических формах и способах, особенно через острую экзегезу Священного Писания, примененную к новому русскому контексту.

Во вступлении путник, приблизившийся к женщине, ее спрашивает, кто она, почему находится «при пустѣм семѣ пути» и какова «вина плача и скръби ея есть» [Преподобный Максим Грек, 2014, с. 264]. Вначале главная героиня, кажется, не хочет отвечать путнику. Не говоря, кто она, женщина предлагает собеседнику замолчать и продолжить свой путь, заявив, что ее рана «неисцѣлна от челоувѣков». Из ее слов можно извлечь два указания, важных для дальнейшего восприятия сюжета. Героиня подчеркивает, что если путник попытается понять причины ее нынешнего положения, то это ввергнет его в беды, и отмечает тот факт, что среди этих причин есть и «многоя <...> жестости» тех, кто должен бы ее направлять, потому что они слушают «мало общеплезное съвѣтование» и обуреваемы страстями, становясь таким образом пленниками тех, кто их окружает. Так в *Слово* вводятся важнейшие мотивы ветхозаветной литературы, в которой постоянно присутствует фигура пророка, тяжело страдающего от того, что распространял божественное послание, которое призывает правителей к обращению, но в то же время вводит интересное различие между хорошими советниками и теми, кто принадлежит к узкому кругу придворных.

Наконец героиня, движимая божественной любовью и добротой, соглашается возвестить все причины своей печали в надежде, что правители раскаются и посвятят себя благим делам, которые не только принесут честь и славу, но даже обеспечат «възрастение дръжавы» [Преподобный Максим Грек, 2014, с. 265]. Не может укрыться от внимания ясная отсылка к сопутствующим библейским и классическим источникам: «истина», как обычно для Максима Грека, — это «евангельская истина», всегда объясняемая в свете учения пророков и отцов Церкви, тогда как «возрастание державы» является недвусмысленным указанием на политическую мысль Римской империи¹ и ее византийскую традицию. Можно сослаться на «Послание Фотия к хану Борису», считающееся в русском Чинквеченто чем-то вроде *speculum principis*, который сам Максим Грек ввел в обращение в славянском варианте [Буланин, 1984, с. 82–94, ср. *infra*]².

Женщина представляется путнику как одна из благородных и славных дочерей Царя всех, Создателя и Владыки, от которого происходит «всяко даание благои всяк даръ съвръшенъ» и «всяко отечство на небеси и на земли», с неявной ссылкой на цитату о божественном происхождении каждого дара (Иак. 1:17), которая является лейтмотивом византийской политической литературы. В размышлениях Максима Грека эта цитата занимает ключевое место уже в одном из его первых

¹ Понятия *civitas augescens* и *civitas amplianda*, присутствующие в кодексе Юстиниана, были предметом рассмотрения на Международной конференции «От Рима до Третьего Рима» [Roma, 1996; см.: Catalano, 2002, p. 81–93].

² Самые ранние свидетельства содержатся в русских рукописях XVI в. в составе сборников, содержащих сочинения Максима Грека, который предложил его для чтения юному Ивану Грозному [Alberti, 2020].

сочинений на церковнославянском – Послании великому князю Василию III о переводе Толковой Псалтири (1522 г.)¹. Женщину зовут «Василия», это имя объединяет ее различные имена: «начальство... и власть и владычество и господство». Божественное избрание, присутствующее в имени, полученном от Всевышнего, проявляется в тех, кто ей подчинен и кто таким образом становится «крѣпость и утверждение сущим под рукою их людемъ, а не пагуба и смятение безпрестани» [Преподобный Максим Грек, 2014, с. 265]. Для объяснения идеи «утверждение людемъ» следует обратиться не только к народной этимологии греческого термина βασιλεύς (βάσις и λαός), но прежде всего к Священному Писанию, в котором говорится о «мудром царе» (καὶ βασιλεὺς φρόνιμος εὐστάθεια δῆμου) (Прем. 6:24).

Представление главной героини, содержащееся во вступлении произведения, завершается выражением подобающего почитания со стороны путника, который узнает в ней царское достоинство и просит снова рассказать о причинах горя и ухода «на пути пустѣ». Еще одна отсылка к пустыне становится новым указанием, чтобы четче обрисовать контуры аллегорической фигуры. Образ женщины в пустыне на самом деле вызывает в памяти женщину из Апокалипсиса (Откр. 12:1–6) – фигуру церкви, воинствующей и гонимой, использованную в песне Савонаролы *De ruina ecclesiae* [Savonarola, 1968, с. 7].

Сходство в описании персонажа и встречи в *Слове* и в *De ruina ecclesiae* находит подтверждение в обращении нашего путника к главной героине: «честнѣишии в женах» [Преподобный Максим Грек, 2014, с. 264] – это отзвук обращения, с которого начинается песня Савонаролы: «Чистая Дева (*Vergene casta*), хоть я и недостойный сын, / но и я принадлежу телу (дословно: членам. – М.Г.) вечного Жениха» [Savonarola, 1968, с. 6.]. «Чистая дева» – выражение, которое апостол Павел употребляет, чтобы определить христианскую общину, представленную с помощью метафоры жены на основе аллегорической интерпретации Песни Песней (2 Кор. 11:1–2).

Невозможно, однако, отождествлять как таковую аллегорию женщины в пустыне в *Слове* с образом воинствующей и гонимой церкви, который предлагает Савонарола в своей *De ruina ecclesiae*, поскольку эта аллегория становится, как мы отметили, метафорой «управления» и «власти», то есть Божьего дара, который правители получают от самого Бога и который в настоящее время недостойно используют. Аллегорическая конструкция, таким образом, встраивается в размышление о ситуации в мире и его правителях, явно обозначенное уже в названии произведения. В этом размышлении Максим Грек черпает вдохновение в предшествующей песне Савонаролы *De ruina mundi* (1472 г.), о которой мы уже упоминали [Savonarola, 1968, с. 5]. Чтобы понять оригинальность произведения, необходимо проследить за размышлениями афонского монаха, который выражает себя через героиню.

¹ В этом послании цитата сопровождается ссылками на учение Платона и на законодательство Юстиниана, в котором утверждается, что *imperium* и *sacerdotium* – наибольшие дары Бога [Послание великому князю Василию III... // Преподобный Максим Грек, 2008, с. 151–166; ср.: Журова, 2011, с. 178–200; Garzaniti, 2010].

Первая часть *Слова* содержит продуманное рассуждение Василии о правосудии, в котором представлены новые отголоски *De ruina mundi*. В первую очередь, героиня радуется, узнав, что путник «ревнует по Боге» и воодушевлен «нелицемерно любовью», — черты, которые являются основополагающими характеристиками пророческих фигур, и она сама присваивает ему роль провозвестника и посредника для тех, кто желает достичь «бесконечного Его царства». Дочь Царя и Создателя всех таким образом различает своих «возлюбленных в истине», которые достойны царского звания, и тех, кто, наоборот, попал в зависимость от стяжательства и лихоимства и строит роскошные дворцы, не заботясь об утверждении их державы («ничим же пособствующихъ къ утверженію дръжавѣ их», ср.: Прем. 6:24) [Преподобный Максим Грек, 2014, с. 265].

Василия упрекает правителей не только в том, что они взбунтовались против того, кто удостоил их чести и обязанности, но также в том (как уже было отмечено в начале), что они отмахнулись от советов «богодухновенных апостоль и пророкъ», таким образом противопоставив себя самому Богу [Преподобный Максим Грек, 2014, с. 267]. Их ожидает Божий суд (Пс. 74:9) не только за то, что «богочестныи царскыи санъ растлѣвають и досажаютъ» несправедливостью, но и за то, что молчали (Пс. 49:21), не заботясь о несправедливости в адрес обиженных. Здесь играет ключевую роль обширная цитата из второго Псалма, основополагающего текста по данной тематике, — призыв, обращенный к правителям в мессианском ключе (Пс. 2:10–12) [Преподобный Максим Грек, 2014, с. 267–268].

Во второй части, отвечая на вопрос по только что процитированному псалму о возможности «служить Богу со страхом», но в то же время «радоваться с трепетом» (Пс. 2:11), главная героиня раздражается резкой критикой против практики банкетов и оргий. Начав со слов пророка Исаи (Ис. 5:11, 12) и вызывая в памяти Страшный Суд, героиня упоминает не только праздник Ирода, который, как повествуют Евангелия, был вынужден обезглавить Иоанна Крестителя, чтобы сдержать клятву, данную «отроковицѣ пляшущей», но и идолопоклонническое застолье народа Израиля в пустыне (Исх. 32:6, 1). Заключительный приговор, в котором все еще можно увидеть отголосок *De ruina mundi*, носит императивный характер: эти цари и князья «ложнѣ обложени суть моимъ царскимъ саном от многаго своего безумія же и бесчювствія» [Преподобный Максим Грек, 2014, с. 270].

Прежде чем завершить свое произведение, автор добавляет третью, и последнюю, краткую часть, где путник обращается к вдове с просьбой объяснить причины ее пребывания «при пути семь пустѣ <...> обступаема толь лютыми звѣри». Иллюстрируя переносный смысл сочинения в целом, заключительная реплика Василии отсылает к образу «окааннаго вѣка сего послѣдняго», в котором нет больше «цареи благовѣрномудреных и ревнителех славъ» с того момента, как все «своих си ищут, а не яже Вышняго» (см. Фил. 2:21), то есть хотят «себѣ разширят предѣлы дръжавъ своихъ», развязывая войны между собой и проливая кровь верующих народов, ведя себя как «дикие звери», не заботясь о христианах, преследуемых в исламском мире. Таким образом автор красочно описывает унылую картину христианских

держав, погрязших в междоусобной войне и игнорирующих угрозы Османской империи, – тревожная тема греческой диаспоры, а также проповеди Савонаролы.

Все это объясняет, почему героиня сидит «ризами одѣана <...>, от дивиихъ звѣрей объемлема, и лють от них растерзаема» [Преподобный Максим Грек, 2014, с. 270], – образ, богатый символизмом, который находит соответствие, хотя и в иной форме, в описании воинствующей Церкви, предложенном Савонаролой в его *De ruina ecclesiae* [Savonarola, 1968, с. 8].

«Послѣдняя печаль» Василии возникает из-за отсутствия пророков, которые были бы охвачены «божественною ревностью», как это было в прошлом, и умели бы поправлять «обручники моя бесчинствующих». Идея, что «цари и правители» все по призванию «обручники» с Василией, может быть в общих чертах объяснена теологией «тела» у Апостола Павла, но на самом деле она явно выражена в *De ruina ecclesiae* Савонаролы, когда в начале говорится о «членах вечного Жениха» («membri de l'eterno Sposo»). Этот отрывок также напоминает мысль Данте Алигьери о вдовстве Рима, лишённого императора, которую можно прочитать в *Божественной комедии*: Приди, взгляни, как сетует твой Рим, Вдова, в слезах зовущая супруга: «Я Кесарем покинута моим!» [Данте, 1967, с. 182]. Когда Максим Грек был во Флоренции, пользовалось большой славой толкование *Божественной комедии* Comento sopra la Comedia (1481 г.) Кристофоро Ландино, и размышления флорентийского гуманиста над этим канто «Чистилища» показывают очевидное сходство с аргументацией, содержащейся в *Слове*¹.

Чтобы подчеркнуть отсутствие пророческих фигур в настоящем, вдова перечисляет фигуры наиболее важных пророков из Ветхого Завета наряду с правителями, которых они обличали и направляли, начиная с Самуила и Саула, Нафана и Давида. Прочитав Илию и Елисея и переходя далее к священной истории, героиня вызывает к свидетельству епископов первых веков: Амвросия, который сумел противостоять императору Феодосию, Василия Великого во времена императора Валента и, наконец, Иоанна Златоуста, «сребролюбиву и лихоимницу царицу Евдоксию избличившаго, не стерпевша презрѣти теплыя слезы бѣдныя оны вдовы». И заключает: «Како убо неправеднѣ ли вдовѣющеи женѣ подобна съжу, при пути пустѣ окааннаго, глаголю, вѣка нынѣшняго, таковых поборниковъ и ревнителех лишена. Сицева убо безгодная моа, о преходниче, достоина рыдании много» [Преподобный Максим Грек, 2014, с. 270].

Слово завершается призывом Василии к путнику молиться о том, чтобы ее супруги наконец-то отвратились от их дурных деяний и «да сподобятся, праведною и богоугодною властью ихъ земскою, получитьи бесконечнаго царствия небеснаго съ всѣми, иже благовѣрно и богоугодно устроиша земскую сию царскую дръжаву» [Преподобный Максим Грек, 2014, с. 271].

¹ Для подробного анализа взаимоотношений между этими двумя произведениями см. [Garzaniti, 2022b].

К СРАВНЕНИЮ ПОСЛАНИЯ ПСКОВСКОГО СТАРЦА ФИЛОФЕЯ И СЛОВА АФОНСКОГО МОНАХА МАКСИМА ГРЕКА

Предложенное нами краткое сравнение между *Посланием* и *Словом*, произведенными, написанными с небольшой разницей во времени, показывает разные подходы к вопросу об отношениях между *imperiū* и *sacerdotiū*, хотя оба автора проявляют большое внимание к Священному Писанию и его интерпретации в русле традиции.

В *Послании*, в противовес астрологическим предсказаниям, прежде всего прослеживается стремление восстановить корни христианского видения истории — концепции, в центре которой являются преемственность Римской империи и верность восточной традиции. В этом контексте очень важно расширить вселенную и перенести ее столицу за пределы Римской империи и подчеркнуть, что в Москве, особенно в Успенском соборе, рукоположение в священный сан и празднование Евхаристии сохраняются в соответствии с древнейшей традицией. Таким образом, Филофей Псковский возвеличивает «освятительную» функцию священства, в прямом соответствии с апостольской эпохой и установлениями Вселенских соборов. Очевидна также функция опеки и защиты, которую царство должно осуществлять по отношению к церкви, на которую, в частности, ссылается образ «брододержати святых Божиих престоль». Ссылка на образ женщины из Апокалипсиса подчеркивает эсхатологическую перспективу и усиливает лаконичный моральный призыв к правителям, ожидающим окончательного суда.

В своем *Слове* Максим Грек, черпая вдохновение в песнях доминиканского проповедника Савонаролы, которые он выучил во Флоренции, развивает рассуждение, направленное на интерпретацию кризиса своего времени, освещая вопрос об осуществлении власти и роли церковного авторитета. Его размышления, однако, развиваются не на историческом и сакраментальном богословском уровне, как у старца Филофея, а скорее в моральной и социальной перспективе. Тщательный выбор отрывков, особенно из Ветхого Завета, в частности, книг мудрости, направлен на радикальную критику поведения правителей его времени. Максим Грек через голос Василии, прежде всего, выступает против пренебрежительного отношения к менее обеспеченным слоям населения и практики ростовщичества, критикует социальные проявления изобилия, а также постоянную вражду между государями, являющуюся причиной войн и несчастий. В этой перспективе функция священника носит не столько сакральный, сколько пророческий характер и подразумевает жесткую критику правителей, к обращению которых он настойчиво призывает. В качестве примера приводятся не только ветхозаветные пророки, но и известные святители восточной традиции, такие как Иоанн Златоуст. Форма диалога, строгая аргументация, но прежде всего неявные ссылки на темы и концепции, присутствующие в современной западной мысли, свидетельствуют о развитии оригинальной рефлексии, ориентированной на обновление восточно-христианской мысли.

Такое разнообразие подходов не исключает общего апокалиптического и эсхатологического горизонта, очевидного в обращении к образу женщины в пустыне и

вызывании города Вавилона, встречающихся в Откровении, но если у Филофея Псковского размышления направлены на динамику *translatio imperii*, то у Максима Грека его аргументация имеет функцию осуждения пороков мирской власти и критики тирании. Однако их различные интерпретации отношений между *imperium* и *sacerdotium*, как нам кажется, не совсем противостоят друг другу, а скорее дополняют друг друга, демонстрируя непреходящие константы в культурной истории России, в которой сосуществуют тенденции к сохранению традиции и стремление к ее обновлению.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Баранкова Г.С. Текстологические и языковые особенности антилатинского апокрифического памятника «Сказание о двенадцати апостолах, о латине и опресноцех» // *Вестник ПСТГУ. Серия I. Богословие. Философия*. 2009. № 3(27). С. 67–92.

Буланин Д.М. Переводы и послания Максима Грека. Неизданные тексты. Л.: Наука, 1984. 276 с.

Буланин Д.М. Булев (Бюлов) Николай // *Словарь книжников и книжности Древней Руси. Выпуск 1. Вторая половина XIV–XVI в. Часть 1. А–К*. Под ред. Д.С. Лихачева. Ленинград: Наука, 1988. С. 101–103.

Висковатый К. К вопросу о литературном влиянии Савонаролы на Максима Грека // *Slavia*. 1939. Т. XVII. № 1–2. С. 128–133.

Емченко Е.Б. Священство и царство в XVI в. (Максим Грек и Стоглавый Собор) // *Вопросы религии и религиоведения*. 2010. Выпуск 2. Книга 1. Религиоведение в России в конце XX–начале XXI в. С. 90–102.

Гардзанити М. Библия и экзегеза в России начала XVI века. Новая интерпретация «Послания» старца псковского Елеазарова монастыря Филофея дьяку Мисюрю Григорьевичу Мунехину // *Славяноведение*. 2003. № 2. С. 24–35.

Гардзанити М. Библейские цитаты в церковнославянской книжности. М.: Индрик, 2014. 232 с.

Гардзанити М. «Слово о нестроениях и безчиниях» Максима Грека. К источникам Плача Василии // *Русская литература*. 2021. № 1. С. 55–70.

Данте Алигьери. Божественная комедия. Пер. М. Лозинского М.: Наука, 1967. 628 с.
Журова Л.И. Авторский текст Максима Грека. Рукописная и литературная традиции. Ч. 1. Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения Российской академии наук, 2008. 490 с.

Иванов А.И. Максим Грек и Савонарола // *Труды Отдела древнерусской литературы*. 1968. Т. 23. С. 217–227.

Преподобный Максим Грек. Сочинения. Под. ред. Н.В. Сеницыной. Т. 1. М.: Индрик, 2008. 568 с.

- Преподобный Максим Грек. Сочинения. Отв. ред. Н.В. Сеницына. Т. 2. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2014. 432 с.
- Малинин В.Н. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Историко-литературное исследование. Киев: Типография Киево-Печерской лавры, 1901. 1029 с.
- Плюханова М.Б. «Многосложное послание/свиток» как лаборатория идей // *Труды Отдела древнерусской литературы*. 2014. Т. 62. С. 343–374.
- Попов А.Н. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI–XV в.). М.: Типография Т. Рись, 1875. 418 с.
- Сеницына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М.: Индрик, 1998. 416 с.
- Alberti A. «Cerca di fatti degli amici tra i migliori e non tra i peggiori!». *Massimo il Greco e l'Epistola di Fozio al principe Boris. Lezioni di Traduzione, a cura di N. Bąkowska, A. Alberti*. Bologna: University of Bologna, Department of Modern Languages Literatures and Cultures, 2022. Pp. 11–39.
- Catalano P. Roma, Costantinopoli, Mosca // *Index. Quaderni camerti di studi romanistici. International Survey of Roman Law*. 2002. Vol. 30. Pp. 65–142.
- Garzaniti M. Il Concilio di Ferrara-Firenze e l'idea della «santa Russia» // *Giorgio La Pira e la Russia*, a cura di M. Garzaniti, L. Tonini. Firenze: Giunti editore, 2005. Pp. 223–239.
- Garzaniti M. Sacra scrittura, *auctoritates* e arte traduttoria in Massimo il Greco // *Studi slavistici*. 2010. № 7. Pp. 349–363.
- Garzaniti M. Costantino il Grande a Mosca dai Rjurikidi alla dinastia dei Romanov, in Costantino I // *Enciclopedia costantiniana sulla figura e l'immagine dell'imperatore del cosiddetto editto di Milano 313–2013, a cura dell'Istituto della Enciclopedia Italiana*. Roma: Istituto della Enciclopedia Italiana Treccani. 2013. № 3. Pp. 133–144.
- Garzaniti M. Michele Trivolis/Massimo il Greco (1470 circa–1555/1556). Una moderna adesione al vangelo nella tradizione ortodossa // *Cristianesimo nella storia*. 2015. № 2. Pp. 341–366.
- Garzaniti M. Il Discorso sulle instabilità e i disordini (Slovo o nestroenijach i bezčiniach). Alle fonti del lamento della Vasilija // *Studi slavistici*. 2019a. № 2. Pp. 157–175.
- Garzaniti M. Michele Trivolis alias Massimo il Greco, Girolamo Savonarola e i domenicani di San Marco (Firenze) // *Domenicani e la Russia. Roma, 9–10 dicembre 2016*. Roma: Angelicum University Press, 2019b. Pp. 41–74.
- Garzaniti M. Michel Trivolis / Maxime Le Grec (1470 env.–1555/1556). Sa vie et sa carrière // *Revue des études slaves*. 2019c. № 3. Pp. 431–452.
- Garzaniti M. Imperium e sacerdotium nella Russia del Cinquecento fra Filofej di Pskov e Massimo il Greco // *Mare nostrum*. 2021. № 2. Pp. 168–183.
- Garzaniti M. L'idea di Oriente e di antemurale in Europa centro orientale e orientale in epoca moderna, in Atti e memorie dell'Accademia toscana di Scienze e Lettere La Colombaria NS 73 // *I Punt cardinali nell'immaginario europeo. Atti del Convegno, 7–8 aprile 2022. A cura di L. Cassi, A. Dei*. Firenze: Leo S. Olschki, 2022a. Pp. 283–297.

Garzaniti M. Massimo il Greco e il pensiero politico di Dante nella Russia del Cinquecento // *Itinerari danteschi nelle culture slave. A cura di G. Siedina*. Firenze: Firenze University Press, 2022b. Pp. 25–37.

Romoli F. «Kniga naricaema Koz'ma Indikoplov»: La «Topografia Cristiana» in area slava: problemi di tradizione del testo // *Literaturwissenschaftliches Jahrbuch*. 2012. № 53. Pp. 9–78.

Romoli F. *Massimo il Greco e gli ordini religiosi dell'Occidente. Esperienza ed evidenza documentaria nella testimonianza alla Moscovia cinquecentesca*. Firenze: Firenze University Press, 2021. 246 p.

Savonarola G. *Poesie, a cura di V. Piccoli*. Torino: Unione tipografico-editrice torinese, 1926. 142 p.

Savonarola G. *Poesie, a cura di M. Martelli*. Roma: Angelo Belardetti, 1968. 300 p.

REFERENCES

Barankova G.S. Tekstologicheskie i yazykovye osobennosti antilatinskogo apokrificheskogo pamyatnika “Skazanie o dvenadtsati apostolakh, o latine i opresnotsekh” [Textual and linguistic features of the Anti-Latin apocryphal monument “The Legend of the Twelve Apostles, Latin and Unleavened Bread”], in *Vestnik PSTGU. Seriya I. Bogoslovie. Filosofiya*. 2009. No. 3(27). Pp. 67–92 (in Russian).

Bulanin D.M. Bulev (Byulov) Nikolai [Bulev (Bulov) Nikolay]. Dictionary of Scribes and bookishness of Ancient Russia. Issue 1. The second half of the 14th–16th centuries. Part 1. A–K. Ed. by D.S. Likhachev. Leningrad: Nauka, 1988. Pp. 101–103 (in Russian).

Bulanin D.M. *Perevody i poslaniya Maksima Greka. Neizdannye teksty* [Translations and epistles of Maxim the Greek. Unreleased texts]. Leningrad: Nauka, 1984. 276 p. (in Russian).

Viskovatyi K. K voprosu o literaturnom vliyaniy Savonaroly na Maksima Greka [On the question of the literary influence of Savonarola on Maxim the Greek], in *Slavia*. 1939. Vol. 17. No. 1–2. Pp. 128–133 (in Russian).

Emchenko E.B. Svyashchenstvo i tsarstvo v XVI v. (Maksim Grek i Stoglavyy Sobor) [The priesthood and the kingdom in the 16th century. (Maxim the Greek and the Hundred-Domed Cathedral)], in *Voprosy religii i religiovedeniya*. 2010. No. 2. Book 1. Religiovedenie v Rossii v kontse 19–nachale 21 v. Pp. 90–102 (in Russian).

Gardzaniti M. Bibliya i ekzegeza v Rossii nachala XVI veka. Novaya interpretatsiya “Poslaniya” startsa pskovskogo Eleazarova monastyrya Filofeya d'yaku Misyuryu Grigor'evichu Munekhinu [The Bible and exegesis in Russia at the beginning of the 16th century. A new interpretation of the «Message» of the elder of the Pskov Eleazar Monastery Philotheus to the deacon Misyur Grigoryevich Munekhin], in *Slavyanovedenie*. 2003. No. 2. Pp. 24–35 (in Russian).

Gardzaniti M. *Bibleiskie tsitaty v tserkovnoslavyanskoi knizhnosti* [Biblical quotations in Church Slavonic literature]. Moscow: Indrik, 2014. 232 p. (in Russian).

Gardzaniti M. "Slovo o nestroeniyakh i bezchinyakh" Maksima Greka. K istochnikam Placha Vasilii ["The word about disorder and disorder" by Maxim the Greek. To the Sources of Basil's Lament], in *Russkaya literatura*. 2021. No. 1. Pp. 55–70 (in Russian).

Dante Aligheri. *Bozhestvennaya komediya* [The Divine Comedy] Transl. by M. Lozinsky. Moscow: Nauka, 1967. 628 p. (in Russian).

Zhurova L.I. *Avtorskii tekst Maksima Greka. Rukopisnaya i literaturnaya traditsii: Ch. 1* [The author's text of Maxim the Greek. Handwritten and literary traditions. Part 1]. Novosibirsk: Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk, 2008. 490 p. (in Russian).

Ivanov A.I. Maksim Grek i Savonarola [Maxim the Greek and Savonarola], in *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. 1968. Vol. 23. Pp. 217–227 (in Russian).

Prepodobnyi Maksim Grek. Sochineniya [Reverend Maxim the Greek. Essays]. Ed. by N.V. Sinitsyna. Vol. 1. Moscow: Indrik, 2008. 568 p. (in Russian).

Prepodobnyi Maksim Grek. Sochineniya [Reverend Maxim the Greek. Essays]. Ed. by N.V. Sinitsyna. Vol. 2. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi, 2014. 432 p. (in Russian).

Malinin V.N. *Starets Eleazarova monastyrya Filofei i ego poslaniya. Istoriko-literaturnoe issledovanie* [The elder of the Eleazar Monastery Philotheus and his epistles. Historical and literary research]. Kiev: Tipografiya Kievo-Pecherskoi lavry, 1901. 1029 p. (in Russian).

Plyukhanova M.B. "Mnogoslozhnoe poslanie/svitok" kak laboratoriya idei ["Polysyllabic message/scroll" as a laboratory of ideas], in *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. 2014. Vol. 62. Pp. 343–374 (in Russian).

Popov A.N. *Istoriko-literaturnyi obzor drevnerusskikh polemicheskikh sochinenii protiv latinyan (XI–XV v.)* [Historical and literary review of Old Russian polemical writings against the Latins (11th–15th centuries)]. Moscow: Tipografiya T. Ris, 1875. 418 p. (in Russian).

Sinitsyna N.V. *Tretii Rim. Istoki i evolyutsiya russkoi srednevekovoï kontseptsii (XV–XVI vv.)* [The Third Rome. Origins and evolution of the Russian medieval concept (15th–16th centuries)]. Moscow: Indrik, 1998. 416 p. (in Russian).

Alberti A. "Cerca di farti degli amici tra i migliori e non tra i peggiori!". Massimo il Greco e l'Epistola di Fozio al principe Boris. Lezioni di Traduzione, a cura di N. Bąkowska, A. Alberti. Bologna: University of Bologna, Department of Modern Languages Literatures and Cultures, 2022. Pp. 11–39.

Catalano P. Roma, Costantinopoli, Mosca, in *Index. Quaderni camerti di studi romanistici. International Survey of Roman Law*. 2002. No. 30. Pp. 65–142.

Garzaniti M. Costantino il Grande a Mosca dai Rjurikidi alla dinastia dei Romanov, in Costantino I, in *Enciclopedia costantiniana sulla figura e l'immagine dell'imperatore del cosiddetto editto di Milano 313–2013, a cura dell'Istituto della Enciclopedia Italiana*. Roma: Istituto della Enciclopedia Italiana Treccani. 2013. No. 3. Pp. 133–144.

Garzaniti M. Il Concilio di Ferrara-Firenze e l'idea della "santa Russia", in *Giorgio La Pira e la Russia*, a cura di M. Garzaniti, L. Tonini. Firenze: Taylor & Francis, 2005. Pp. 223–239.

Garzaniti M. Il Discorso sulle instabilità e i disordini (Slovo o nestroenijach i bezčinijach). Alle fonti del lamento della Vasilija, in *Studi slavistici*. XVI. 2019a. No. 2. Pp. 157–175.

Garzaniti M. Michele Trivolis alias Massimo il Greco, Girolamo Savonarola e i domenicani di San Marco (Firenze), in *Domenicani e la Russia. Roma, 9–10 dicembre 2016*. Roma: Angelicum University Press, 2019b. Pp. 41–74.

Garzaniti M. Michel Trivolis / Maxime Le Grec (1470 env.–1555/1556). Sa vie et sa carrière, in *Revue des études slaves*. 2019c. No. 3. Pp. 431–452.

Garzaniti M. Imperium e sacerdotium nella Russia del Cinquecento fra Filofej di Pskov e Massimo il Greco, in *Mare nostrum*. 2021. No. 2. Pp. 168–183.

Garzaniti M. L'idea di Oriente e di antemurale in Europa centro orientale e orientale in epoca moderna, in *Atti e memorie dell'Accademia toscana di Scienze e Lettere La Colombaria NS 73, in I Punti cardinali nell'immaginario europeo. Atti del Convegno, 7–8 aprile 2022*. A cura di L. Cassi, A. Dei. Firenze: Leo S. Olschki, 2022a. Pp. 283–297.

Garzaniti M. Massimo il Greco e il pensiero politico di Dante nella Russia del Cinquecento, in *Itinerari danteschi nelle culture slave*. A cura di G. Siedina. Firenze: Firenze University Press, 2022b. Pp. 25–37.

Garzaniti M. Michele Trivolis/Massimo il Greco (1470 circa–1555/1556). Una moderna adesione al vangelo nella tradizione ortodossa, in *Cristianesimo nella storia*. 2015. No. 2. Pp. 341–366.

Garzaniti M. Sacra scrittura, auctoritates e arte traduttoria in Massimo il Greco, in *Studi slavistici*. 2010. No. 7. Pp. 349–363.

Romoli F. “Kniga naricaema Koz'ma Indikoplov»: La “Topografia Cristiana” in area slava: problemi di tradizione del testo, in *Literaturwissenschaftliches Jahrbuch*. 2012. No. 53. Pp. 9–78.

Romoli F. *Massimo il Greco e gli ordini religiosi dell'Occidente. Esperienza ed evidenza documentaria nella testimonianza alla Moscovia cinquecentesca*. Firenze: Firenze University Press, 2021. 246 p.

Savonarola G. *Poesie, a cura di M. Martelli*. Roma: Angelo Belardetti, 1968. 300 p.

Savonarola G. *Poesie, a cura di V. Piccoli*. Torino: Unione tipografico-editrice torinese, 1926. 142 p.

Статья принята к публикации 14.08.2023